

Человек стал богатым на старости лет.
И позвал он соседей к себе на обед.
А кого он позвал? Нет уж старых друзей.
И пришли молодые. Пришли как в музей.

Ну, конечно, тут вкус примитивный слегка...
Но понять я трудягу могу старика.
Он работал всю жизнь. Он работал как бог.
И, как видите, сделал. Как видите, смог.

Он диваны купил из диковинных стран.
Хрусталеи напустил, как по речке туман.
Он картины себе заказал и паркет.
Человек стал богатым на старости лет.

Угощает он:—Ешьте!—несёт осетра.
И баранина нежная прямо с костра.
И вино в ресторане по страшной цене
Он достал, чтоб работало солнце в вине...

Но смотрю—человека сомнение грызёт.
Начал он вспоминать дальней юности год,
Как босой да в фуфайке жил в низкой избе,
Ел картошку и слушал бураны в трубе.

Он рассказывал и про болезни свои
В красном кресле как будто б эпохи Луи.
Люди пили и кушали, жадно следя,
Как он им наливал, синим глазом светя.

Всё лицо было в трещинах, шрам на виске,
И полпальца отъято на правой руке.
Ну а в целом он был при руках и ногах...
Да и был ли на страшных он тех берегах?!

И не знаю я, верил ли кто-то из них
Тем рассказам: «Наверное, взято из книг...»
Но кивали, смеялись и льстили ему.
Зависть душу глодала: «И всё одному?!»

Но не видели эти собачьи сыны:
Там, вдали, как вулкан, за холмами страны,
Там, вдали, за рекой, на священном костре—
Там бурлила картошка в измятом ведре!

И он отдал бы всё—эти стены и стол—
Лишь за то, чтоб к огню старый друг подошёл,
И она подошла, молодая, как сон,
И он сам подошёл бы, не нынешний он...

И остался бы там, песни яркие пел,
Верил: будет прекрасен России удел,
Будет братство народов, богатство и свет...
Но—откат есть у пушки, у жизни же—нет.

Наливал он вино в дорогое стекло.
«Нет, продам всё к шутам и уеду в село».
Он конфетами потчевал шумный народ,
Тосковал про себя: «Заведу огород...»

Говорят, нынче можно корову купить.
И коня разрешат старику, может быть.
И котята пусть ходят. И пёс в конуре.
Что ещё? Пусть кричат петухи на заре.

Что ещё? Будут гуси шипеть у ручья.
Ходит живность стадами. Скажу, что ничья.
Оскудела земля. Я добавлю живых.
Выйду в красной рубашечке. Чем не жених?...»

Но он знал-понимал: не поедет туда.
Здесь горячая в трубах струится вода.
Здесь стоит телефон—если нужно врача.
Здесь горит телевизор—там гусь у ручья.

Там и пёс, и корова. И в дымке стога.
Старость там беспощадна. А юность—строга...
Выходили курить—и ругали его:
—Накопил, накопил—чёрт-те знает чего!..

Он такси вызывал для друзей их друзей.
Он остался один. Дом сверкал, как музей.
Детям деньги послал—говорят, не бедны.
Внукам всяких зверюшек—да там табуны!

В фонд Вьетнама и мира отправил вчера...
Почему же тоска? Подыхать уж пора?
Человек стал богатым на старости лет.
Вышел и накупил кучу всяких газет.

Обо всём прочитал. Снова сел он за стол.
Сам себе наливал. Сам, как роза, расцвёл.
Сам напился и сам повалился в ковры...
Снились с белой и нежной картошкой костры.

.....

*Публикуется по изданию: Роман Солнцева.
Да! Книга поэм о любви и ненависти.—
Красноярск: Кн. изд-во, 1984.—128 стр.*